

«Мои дорогие читатели!

Холодной снежной зимой нам так не хватает улыбок и тепла! Возможно, кому-то поднимут настроение мысли о солнце и весне, а также последние сплетни грядущего сезона. Увы, злословие не будет слишком уж захватывающим, поскольку два главных распутника Лондона теперь женаты и, насколько я слышала, вполне счастливы. Пусть так, но все же остался еще один из сент-джеймских повес — герцог Ратберн, которого еще никому не удалось даже повернуть в сторону алтаря, так что нам будет о чем поговорить.

Для всех юных девиц, которые, вероятно, обдумывают возможность уронить свои кружевные платочки к начищенным до зеркального блеска сапогам герцога, я недавно написала небольшую брошюру, которая уберезет их от безрассудств. Купите или возьмите у подруг эту крайне полезную книжицу и внимательно прочтите, прежде чем решите рискнуть своей репутацией. Называется она «Мудрые советы юным леди».

*Еженедельный скандальный листок
мисс Гоноры Труфф*

Глава 1

Распутник может появиться у ваших дверей совершенно неожиданно.

Мисс Труф

Любой мужчина, утверждающий, что не испытывает никаких сожалений, — лгун. Рат был в этом убежден. Кому об этом знать, как не ему. Он о многом сожалел в своей жизни и раньше, и после того как пять лет назад стал герцогом. Пусть и считается, что аристократам не пристало иметь такие слабости, даже если они ведут столь безрассудный образ жизни, как Рат, но все это неправда.

Прийти к этому обескураживающему заключению было непросто, но именно поэтому Рат сейчас стоял, поеживаясь от холодного воздуха, перед скромным домом, расположенным рядом с сент-джеймским парком, и, что весьма странно, с его собственным домом, и смотрел, как служанка копается в земле — похоже, что-то сажает.

Месяц назад, неслабо выпив, Рат, никогда не стремившийся к покаянию за свои грехи, внезапно словно переродился: ни с того ни с сего подписал документ, приняв на себя роль опекуна юной леди, которая жила в этом самом доме, что в тридцати шагах от него. Во время столь неожиданного прозрения его затуманенный и отравленный избытком спиртного мозг почему-то решил, что немного покаяния

пойдет ему на пользу. Он и так нес на своих плечах немалое чувство вины — даже, пожалуй, непосильное для того, кому нет еще и тридцати.

Именно Рат предложил то злосчастное пари с письмами от тайных поклонников, которое до сих пор доставляет неприятности не только ему и его друзьям, Гриффину и Хоку, но и родственникам. В то время он считал себя везунчиком — ведь у него не было сестры, которую следовало выдать замуж, как у Гриффина. Ситуация изменилась в одночасье, когда старый друг его отца тяжело заболел и попросил Рата взять на себя заботу о его подопечной и подыскать для нее подходящую партию. Его первым желанием было решительно отказаться, но потом он решил, что, наверное, должен в память об отце сказать старику «да». При жизни отца Рат никогда не совершал поступков, которые заслужили бы его одобрение: разве что научился заботиться о герцогских владениях и обеспечивать их процветание, — и теперь искренне надеялся, что такая любезность, оказанная лучшему другу отца, несколько сгладит впечатление от его бурной молодости.

Он подумал о мисс Марлене Фаст, и воспоминание оказалось не самым приятным. Эту девицу с шапкой непокорных рыжих кудрей и ободранными локтями он видел всего раз в жизни. Тогда ей было двенадцать: она взглянула на него огромными зелеными глазами — Рат еще подумал, что очаровал ее, — после чего швырнула ему в лицо лягушку.

Юные хулиганки крайне редко становятся благопристойными юными леди. Если мисс Фаст не изменилась к лучшему с тех пор, как он ее видел, едва ли есть надежда, что какой-нибудь подходящий пэр

сделает ей предложение. Рат мог обеспечить ей хорошее приданое, но как же не хотелось опекать ее во время приближающегося сезона!

Он не собирался брать на себя обязанности опекуна и вовсе не намеревался заботиться о ее будущем до той самой ночи, когда обнаружил, что сидит один, пьяный, а на столе пустая бутылка из-под бренди. Он помнил, что Гриффин и Хок уже заплатили за то, что сделали много лет назад, и цена была весьма высока. Теперь пришел его черед. Не было никакого смысла снова и снова вспоминать ту ночь: дело сделано, и надо жить дальше. Он не в силах был ничего изменить для юных леди, которых поставил в неловкое положение письмами от тайных поклонников, зато определенно мог принять необходимые меры, чтобы мисс Фаст сделала хорошую партию. Возможно, тем самым он немного искупит свою вину и реабилитируется перед отцом за то, что никогда не был личным джентльменом, каким он мечтал его видеть.

Рат опять посмотрел на дверь. Надо в конце концов решиться. Ему всегда удавалось все, что задумывал, и в этом деле он тоже не должен ударить лицом в грязь.

Глубоко вздохнув, он пошел к двери, пытаясь убедить себя, что вовсе не важно, насколько он был пьян, когда совершил достойный поступок, согласившись взять на себя эту возмутительную, хотя и, безусловно, благородную обязанность. Взявшись за дверной молоток, он громко постучал и тут же услышал яростный лай. Через несколько секунд из-за угла вылетела маленькая короткошерстная собачонка, весьма воинственно настроенная, остановилась в нескольких футах от него и грозно зарычала.

— Тише, дружок, — сказал Рат, снял перчатку, наклонился и протянул дворняжке руку, но та вовсе не намеревалась успокаиваться, а, напротив, словно хотела оповестить всех: к двери ее хозяйки подошел чужой.

Через несколько секунд дверь открыла дородная матрона в чепце и переднике и приветливо улыбнулась:

— Добрый вечер, сэр. Как о вас доложить?

— Я пришел к мисс Марлене Фаст, — сообщил Рат, снял шляпу и положил в нее перчатки.

Откуда-то издалека донесся звонкий голос:

— Тат, где ты? Что там стряслось?

— Сейчас вы ее увидите, сэр, — сообщила служанка. — Юная мисс через секунду появится из-за угла, чтобы выяснить, по какой причине ее драгоценная собака пришла в такое волнение.

Рат повернул голову в указанном направлении и действительно увидел высокую стройную девушку, легкой грациозной походкой вышедшую из-за угла. Ветер распахнул полы ее накидки, прижимая платье к ногам. Лица ее Рат не видел, потому что ее широкополая соломенная шляпка была низко надвинута на лоб, и это в такой пасмурный день.

— Тише, Тат, — мягко сказала она собачке. — Ты всем докучаешь.

Песик оглянулся на хозяйку, немного подумал и опять залаял.

— Ну хватит, хватит, — без всякого раздражения или строгости попросила она песика и сняла одну из перчаток, в которых явно копалась в земле. — Я здесь, с тобой, и у нас гость.

Собака продолжала лаять, но теперь подбежала к хозяйке и поднялась на задние лапки.

— Нет, на руки не возьму. Успокойся, иначе джентльмен может подумать, что ты невоспитанный пес и бросаешься на гостей.

Рат улыбнулся: неужели она подумала, что его испугает эта малявка? Впрочем, если ей нравится так думать, он не станет возражать.

Девушка подошла ближе, подняла голову, и Рат наконец увидел ее лицо. В глазах его зажегся интерес. Она оказалась очень привлекательной — большие глаза, маленький носик, соблазнительные губки. Даже грязь на щеке нисколько не умаляла ее очарования. Ее шляпку удерживала узкая лента цвета лаванды, завязанная бантиком. На руке висела маленькая корзинка с садовыми инструментами. В отличие от идеально чистого передника служанки ее фартук был в траве и земле.

Рата не удивило, что мисс Фаст сама копается в земле, как служанка или садовник. Судя по его воспоминаниям, чего-то подобного и следовало ожидать. Едва ли имело смысл надеяться, что с возрастом она приобретет утонченность и изысканность. Между тем замуж ее выдать будет не так сложно, как он опасался: она выросла настоящей красавицей.

Роскошные блестящие зеленые глаза взирали на него с откровенным любопытством. Остановившись, она сняла вторую садовую перчатку и положила обе в корзинку. На щеках вспыхнул румянец, сделав ее еще привлекательнее.

— Мисс Фаст, — проговорил Рат, стараясь не обращать внимания на собаку, которая внимательно обнюхивала его до блеска начищенные сапоги. — Я герцог Ратберн.

Ее красиво изогнутые брови удивленно приподнялись, рот слегка приоткрылся, и Рат понял, что она потрясена и испугана. Судорожно сглотнув, девушка присела в реверансе и тихо спросила:

— Что привело вас сюда, ваша светлость?

Она выглядела страшно напряженной, взгляд перемещался с него на дверь, потом на угол дома, словно она искала место, где бы спрятаться, куда сбежать, или, возможно, думала позвать кого-то на помощь. Ее била дрожь, и Рат мог побиться об заклад, что почувствовал в ней страх. Но почему?

Проклятье! Он вовсе не хотел ее испугать своим неожиданным появлением, хотя и знал, что порой один лишь титул может вызвать тревогу. Но чтобы такой страх... она взирала на него так, словно опасалась, как бы он не причинил ей физический вред. Даже ее прелестные розовые губки побелели.

Это его немало озадачило, а еще больше то обстоятельство, что она не боялась, пока он не назвал свое имя. Это совершенно точно. Скандальный листок мисс Труфф, правда, весьма нелестно о нем отозвался. Возможно, мисс Фаст его читала?

Он так напряженно обдумывал ее странную реакцию, что забыл ответить на ее вопрос, и она его повторила:

— Итак, почему вы здесь?

Мисс Фаст с тревогой взглянула на его экипаж, стоявший неподалеку на обочине. Корзинка с садовыми инструментами, прежде свободно болтавшаяся у нее на руке, переместилась, и теперь она держала ее перед собой, вцепившись в нее обеими руками. У Рата появилось странное ощущение, что она словно защищается ею от него, как рыцарь — щитом.

— С вами приехал кто-то еще? — уточнила она с тревогой.

Прямота ее вопросов обескураживала. Надо как-то ее успокоить. Возможно, стоит напомнить, что они уже встречались, — иными словами, он не совсем ей чужой.

— Я один, — заверил он девушку, хотя понятия не имел, почему это так для нее важно. — Вы меня не помните? Мы встречались лет шесть-восемь назад.

— Смутно, — осторожно проговорила мисс Фаст.

Что-то подсказывало Рату, что девушка не вполне с ним честна, но он решил не уточнять: ей и так некомфортно, и он вовсе не хотел настраивать ее против себя.

Подумав, Рат снова заговорил как можно спокойнее:

— Мой отец был лучшим другом вашего опекуна, мистера Олингуорта, когда они учились в Итоне, Оксфорде, да и потом тоже. Мы приезжали к мистеру Олингуорту в его имение в Котсуолде, и вы были там.

— Да, но я не помню, зачем вы приезжали.

В это Рат поверил без труда.

— Я тоже. Возможно, у них было какое-то дело. Или это был обычный дружеский визит. В то время отец учил меня управлять нашими владениями.

Она опять окинула взглядом улицу у него за спиной.

— А с какой целью вы приехали сейчас?

Тот же вопрос. Что он должен сказать? Он не желал сообщать ей о цели своего визита, стоя на улице перед дверью дома, тем более когда она в такой панике. Он хоть и не самый терпеливый из мужчин, но все же не людоед. Впрочем, вероятно, не все с этим согласятся.

Рат мягко улыбнулся, всячески показывая, что у него и в мыслях нет ничего дурного. Наверное, именно такого поведения ожидал бы от него отец, весьма для него необычного. Никогда еще ему не приходилось никого успокаивать, как, впрочем, и пугать до дрожи, особенно леди. Очевидно, несколько лет назад, когда их дороги пересеклись, он не произвел на нее особого впечатления.

Рат никогда ни с кем не сюсюкал и не цацкался, но сейчас, подавив естественное желание повернуться и уйти, пробормотал:

— Я бы предпочел, если вы не возражаете, разговаривать не на улице, а в доме. Это возможно?

Девушка заколебалась.

— Если вы не одна, разумеется, — добавил он поспешно.

— Нет, не одна. Там, в доме, моя кухня.

Рат получил некоторое представление о мисс Фаст от мистера Олингуорта, когда заезжал к нему неделей раньше. Худой и бледный старик принял его в спальне, в постели, где полулежал, привалившись к горе подушек. Костлявые руки дрожали, бессильно вытянутые на простынях, голос был слабый и хриплый.

Потребовалось немало времени и усилий, но, в конце концов, Рат узнал, что мистер Олингуорт три года назад поселил мисс Фаст с кухиной в предместье Сент-Джеймс, чтобы начать подготовку к ее дебюту, но тот так и не состоялся из-за резко ухудшившегося здоровья опекуна. Он не смог присоединиться к своей подопечной в Лондоне и представить ее обществу, поэтому к ней и приехал Рат.

— Что ж, в таком случае вам тем более нечего меня бояться.

Мисс Фаст на мгновение нахмурилась, но потом расправила плечи и дерзко вздернула подбородок: по-видимому, не знала, что ее страх столь очевиден.

— Бояться? Вас?

— Возможно, мне показалось, — решил не спорить Рат.

— Я не помню только первые два-три года своей жизни, ваша светлость, но зато отлично помню следующие. Я жила с тетей и дядей, у которых было пятеро сыновей, и все старше меня, поэтому частенько вместе с мальчишками ходила по болотам и лесам, даже по старому кладбищу ночью. Если уж я тогда не боялась, не вижу причины, по которой должна бояться сейчас.

Если это правда — а у Рата не было повода сомневаться в ее словах, — становилось понятно, почему она не побоялась взять в руки лягушку и швырнуть в него при их первой встрече.

— Приношу свои извинения. Я не знал, что до мистера Олингуорта вы жили в другой семье, где получили столь... специфическое воспитание.

— Я никого и ничего не боюсь. Полагаю, для того, что я сейчас чувствую, больше подходит слово «беспокойство».

Возможно, она беспокоится из-за того, что ее застали копавшейся в земле, как обычную простолоудинку? Это определенно неподходящее занятие для юной леди. Раздраженный неудачными попытками ослабить напряжение между ними, Рат почесал затылок:

— Но почему мой визит так... обеспокоил вас?

— Я уже несколько раз спрашивала, почему вы здесь, но вы так и не ответили.

— Три раза, если быть точным, но что это?..

Рат сделал паузу, обдумывая неожиданно пришедшую в голову идею, совершенно неприемлемую, даже рискованную, но когда его это останавливало?

Приложив палец к губам, он шепотом сказал:

— Стойте спокойно. Не шевелитесь. Вы кое-что принесли из сада, и оно все еще у вас на щеке.

Ее тонкие брови взлетели на лоб, в глазах мелькнула неуверенность, и, поспешно опустив ресницы, она попыталась увидеть то, на что указал ей он.

— Что там? Я ничего не вижу! Вроде бы ничего не ползает...

Она оторвалась наконец от корзинки и поднесла было одну руку к лицу, но Рат остановил, сделав к ней шаг:

— Нет, не двигайтесь.

— Это пчела? Или божья коровка? — Она опустила руку и опять вцепилась в ручку корзинки. — Неужели паук? О, только не это! Они такие противные. Оно все еще там? Я ничего не чувствую!

— Ш-ш-ш, — повторил Рат и подошел еще ближе.

— Или даже оса? — продолжила перечислять девушка, проигнорировав его предупреждение. — Знаете, они ведь разные и, как правило, не причиняют вреда, если их не трогать. Впрочем, для ос еще слишком рано. Наверное, это какое-нибудь насекомое, но я их не боюсь.

Рат ей поверил. Девочка, которая способна швыряться лягушками или ходить по ночам на кладбище, не может бояться жуков. Между тем она продолжала болтать, хотя и не шевелилась:

— Они время от времени досаждают, особенно в сухие жаркие дни. Осы могут ужалить, но если при-

ложить к месту укуса тряпочку, смоченную в уксусе, то боль и отек очень быстро проходят.

Рата обычно безумно раздражала нервная болтовня, но не сейчас: ему было любопытно и даже весело слушать мисс Фаст.

Он достал из кармана сложенный носовой платок и аккуратно вытер платком грязь со щеки девушки.

Ее голова непроизвольно дернулась, длинные темные ресницы затрепетали.

— Ну вот, — сказал он удовлетворенно.

— Его больше нет? — спросила она с тревогой.

— Нет.

— А что это было? Божья коровка? Она улетела?

Рат показал ей белый платок, на котором красовалось грязное пятно.

Мисс Фаст взяла платок, внимательно рассмотрела и удивленно уставилась на незваного гостя, но вскоре глаза ее вспыхнули негодованием.

— Грязь? — воскликнула она в гневе, смяв платок в руке. — У меня на щеке была всего лишь грязь?

Он кивнул, а девушка еще крепче вцепилась в ручку своей корзинки, едва не кипя от негодования.

— Вы все это задумали... заставили меня молчать, чтобы...

— Молчать? — рассмеялся Рат. — Это называется «молчать»?

Мисс Фаст фыркнула, а он заметил:

— Да вы не замолчали ни на мгновение, хотя я неоднократно просил вас об этом.

— Уверена, что вы ошибаетесь! — заявила девушка, а глаза ее метали молнии от возмущения. — В любом случае во всем виноваты вы. Все, что о вас говорят и пишут, — правда.

— Возможно, так и есть.

— Ни один приличный джентльмен не прикоснется к юной леди без ее разрешения.

— Я знаю правила, мисс Фаст, хотя не всегда им следую.

По правде говоря, Рат старался обходить стороной невинных девиц. Ну, возможно, была у него подружка-другая... или несколько — в ранней молодости, но это было так давно. Потом он осознал, как легко разбить девичье сердце, и теперь у него не было ни малейшего желания связываться с девственницами, и неважно, что его репутация в клубах и скандальных газетенках утверждала обратное.

Рат любил женщин и любил получать удовольствие, которое они ему дарили. Любовницы и вдовы охотно вступали с ним в отношения, но без всяких обязательств и уж точно не открыто, у всех на глазах, как юные девы. Опытные дамы искусны, щедры, угодливы и, как правило, думают лишь о наслаждении — своем и партнера. Они ничего не требовали, и это устраивало Рата.

Хорошо, что в глазах очаровательной мисс Фаст больше нет страха, только возмущение. Это было ближе и понятнее Рату.

— Мне необходимо обсудить с вами кое-что важное. Мы так и будем стоять здесь, на ветру, или, поскольку ваша кухня дома, пригласите меня внутрь?

— Да, конечно, — сказала девушка после некоторых колебаний и указала рукой на дверь, отцепив ее наконец от ручки садовой корзинки. — Пожалуйста, проходите в дом.

Тат опять залаял и побежал в дом, словно приглашение было адресовано ему. Служанка — или